

Дарья Меркотан

СКАЗКИ КОРОЛЕВСКОГО БАРДА

для детей, которые успели вырасти

Дарья Меркотан

**Сказки королевского барда. Для
детей, которые успели вырасти**

«Издательские решения»

Меркотан Д. В.

Сказки королевского барда. Для детей, которые успели вырасти /
Д. В. Меркотан — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901517-4

Дебютный сборник сказок от Дарьи Меркотан. Три удивительных рассказа
о барде который в своё время служил при королевском дворе.

ISBN 978-5-44-901517-4

© Меркотан Д. В.
© Издательские решения

Содержание

Как бард глухому пел	6
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Сказки королевского барда Для детей, которые успели вырасти

Дарья Владимировна Меркотан

Редактор Глеб Буваненко

© Дарья Владимировна Меркотан, 2017

ISBN 978-5-4490-1517-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Как бард глухому пел

Навстречу ему скакала не девица и не парень: что-то среднее, благодаря ухищрениям придворной моды. Так что попробуй разбери с такого расстояния, есть под кирасой грудь, али пустая она. И все же это был мальчик! Без сомнений, не могла женщина так ровно держаться в седле, неся на плечах тяжесть доспехов. Поравнявшись с ним, воин резко натянул поводья. Добротный конь, сытый, с блестящей шкурой широко раздувал ноздри, косил глаза на коленку, закованную в железо, и норовил цапнуть за нее.

Он скользнул взглядом по обмундированию всадника. Богатое седло... Если присмотреться. Уздечка и нагрудная прозвездь блестели ярко начищенным серебром, немного потертым. Доспехи были в выщерблинах и царапинах, не слишком глубоких, но легших такой густой сетью на металл, что он перестал отражать солнце. Кожа тоже была в паутине складок. Иначе говоря, сразу было и не определить, к какому сословию принадлежал воин: то ли разорившийся дворянин, то ли обыкновенный бандюга, отбившийся от шайки.

– Доброго дня, – всадник снял перчатку и протянул руку с длинными пальцами. – Я не кусаюсь, – заметил он, пока бард, которому страсть как хотелось поговорить с кем-нибудь, не мог вытянуть из себя ни слова.

– И вам того же, сир.

– Хе! Рыцарем обозвал! Ладно, нравишься ты мне, – всадник улыбнулся, обнажив крепкие лошадиные зубы. – Поехали со мной, будешь воспевать мои... Ну, не подвиги. Дела. А скоро, быть может, и подвиги. Кто знает...

– Деточка, ты кем себя возомнил? Я играл при дворе самого короля!

– А чего пешком идешь? Э! – не-рыцарь досадливо махнул рукой с зажатой в ней перчаткой и ударил коня пятками в бока. – Много пропустишь, пока под ноги смотреть будешь. Со мной и интереснее, и страну повидать сумеешь.

Всадник хрипло выматерился. Видно, тоже ему скучно было. Бард нагнал коня, так и стремившегося перейти на рысь, и взялся за стремя.

– Так тебе бард нужен?

– Дошло до утки на третьи сутки.

– Ты со мной не шути, а то такую песню сочинию, потом до конца жизни без красных щек в гостиницу не войдешь.

– Язык вырву.

– Спасибо, хоть пальцы не скормит... – пробормотал бард.

– Что? Четко говори, туговата я на ухо.

Но вот он поднял глаза на воина. Могли ли быть у мальчика эти губы, могла ли быть у мальчика эта посадка головы, могли ли быть у мальчика эти тонкие пальцы? Ее красота была красотой зрелой женщины, и бард вспыхнул красным до кончиков ушей.

– О! Миледи! Виноват, я не думал, что дама вашего возраста и статуса станет разъезжать в одиночку по нашей стране, – он поклонился до земли, сняв шляпу и подметая пером дорогу.

– Хе! Миледи обозвал! Хорошо, в этот раз я тебя прощаю, – дама сверху-вниз глянула на музыканта. – Странное дело... Разве ты не слышал о женском подразделении Рыцарского Ордена Святого Георга?

Бард присмотрелся к щиту, притороченному к седлу. Герба на нем было, а если и был когда-то, то теперь он был замалеван черной краской, причем, явно наскоро – в некоторых местах все еще виднелся зеленый фон.

– Нет, миледи, не слышал. Но позвольте заметить, что ваша экипировка скорее напоминает мне о рыцарях, сбежавших с войны, чем о благородных воинах, что борются за своего государя...

Она резко свесилась вниз, зло блеснув глазами. Бард отшатнулся, до белых костяшек сжав ремень своей сумки, и сильно побледнел. Такие взгляды никогда не сулили ничего хорошего.

– Это хорошо. Бард, – она выплюнула последнее слово. – Пойдешь со мной?

– До той поры, пока нам обоим будет по пути.

Он гордо зашагал рядом с конем.

Бард все чаще замечал, что дама то картавит, то неправильно произносит звуки. Она еле заметно вздрагивала, как конь от увиденной палки, когда он подходил к ней из-за спины. Слух, судя по всему, у нее отнялся давно, а язык начал путаться без него лишь в последнее время. Удивительно, как она вообще понимала, что ей говорят.

– Зачем тебе бард?

Она сделала вид, словно витала в облаках и не слышала, так что вопрос пришлось повторить.

– Чтобы обо мне потомки помнили, – женщина улыбнулась. – Песню сочинишь, она станет известной...

– Ты сможешь ее услышать?

– Что за вопрос? Я могу тебе даже мотив напеть и идею для рассказа подскажу!

Дама откашлялась, будто и правда собралась петь, но вместо этого вдруг вытащила из-под лошадиной попоны меч. Его клинок, в отличие от кирасы, был ярко начищен и блеснул в свете костра, рукоять его была покрыта черной кожей. Также на ней располагалось кольцо, чтобы меч в случае чего можно было держать горизонтально.

– Он не слишком дорог для простой дамы?

– Песню о нем напишешь, тогда расскажу, откуда он у меня.

– Как я напишу песню, если не знаю всей истории?

Дама задумалась и поудобнее уселась у костра, положив меч поверх колен.

– Недавеча ехала я близ озера. Гляжу, гладкое оно стало, серебряное, ну прямо зеркало. И тут из него высовывается рука. Зеленая, вся в чешуе, пиявках и бородавках. Эге, думаю, какая страшная жаба вымахала. А рука трясет мечом. Я лошадь к дереву привязываю, спускаюсь к воде и на руку эту смотрю. Не хотелось, понимаешь, ноги мочить. Вдруг из воды кикимора выпрыгивает, да как заголосит...

У барда уши сначала покраснели, потом посинели, грозя отвалиться. Женщина решила пересказать ему весь монолог озерной девы, ругаясь при этом страшно и по-мужски, да так искусно, что поставь рядом корабельного боцмана – он бы себе пару-тройку выражений записал на память.

– ...наорала на меня и мечом в меня бросила.

– Позволь, я кое-что уточню, – бард боязливо поежился и никак не мог отойти от услышанного. Он не знал, что смутило его больше: что кикиморы раздают мечи направо и налево или что дама, а он все же надеялся на ее благородное происхождение, так ругалась. – Она тебя матом обложила за то, что ты меч долго не брала?

– Ну да. Гадина морская, – женщина сплюнула. – Какой нормальный человек осенью в воду полезет? Я ей так и сказала, а сверху еще прибавила, что она, дрянь болотная...

Ночь, столь светлая на небе, смотрела на тусклый костер холодными звездами. В эту пору обычно наступали заморозки, но отчего-то землю не устилал туман, и первые морозы жгли не так больно. Дама все говорила и говорила, хрипло смеясь и коверкая звуки, и голос ее уносился под купол неба.

Обстановка, в которой она вела свой рассказ, так и располагала написать хотя бы поэму. Язык дамы лишь мешался и наводил на мысли о похабных песнях.

– Кто ты? – крикнула дама, уперев руку в бок.

– Я бандит ветра, – проговорил бродяга так тихо, что барду пришлось читать едва ли не по губам.

– А-а-а-ась? Что говоришь?

Мужчина, одетый в легкие кожаные доспехи, столбом стоял посреди дороги. Тонкий и высокий, он походил скорее на пруттик, чем на человека, и казалось, что может сломаться от любого дуновения ветра. Неудивительно, что сил у него не хватало даже на то, чтобы просто говорить громче.

Все время, что бард рассматривал незнакомца, тот что-то говорил. Это было ясно по шевелящимся губам. Дама отчаялась понять хоть что-нибудь и отогнула пальцем ухо, будто так было лучше слышно.

– Меня называют Тенью, и я самый тихий бандит во всей округе, – мужчина начал беситься, но говорил все также тихо. Не выдержало терпение и у спутницы барда.

– Ах ты, змея! Над дамой издеваться! Что он говорит? – она схватила барда за грудки. – Ну! Отвечай! Негодяи! Оба!

– Не шуми. Он бандит, хочет нас ограбить.

Дама перевела взгляд с губ барда на дорогу. После чего вдруг лихо спрыгнула с коня, подобрала камень с земли и бросила в ближайšie кусты. У каждого рыцаря был свой способ обнаруживать засады, да и чуйка у них заточена.

– Выметайтесь! – по-вороньи хрипло крикнула женщина и обнажила меч.

– Мы только доспехи примерим, – гаркнул один из шайки.

В отличие от бандитов, дама обошлась без победоносного клича. Кусты зашевелились, обнажив три оскаленных рожи. Бард зверски выругался, видя катившуюся с холма безумную свору, и поторопился уйти с дороги и увести за собой коня. Рядом с ухом просвистела стрела.

Дама завертела мечом, не раздумывая, ворвалась в самую гущу разбойников. Их было много, да и напирала она кучей, будто превратившись в чудище, ощерившееся сталью, копьями и арбалетами. В общей свалке невозможно было разглядеть женщину, для которой такой бой был чем-то новым. Она впервые была один на один с бандитской шайкой. Удары градом сыпались на нее, пот застилал глаза, мечи звенели. Никаких правил и эффектных финтов – не хватало ни времени, ни места. Безумная рубка смешалась перед глазами, на место каждого убитого словно вставал новый враг. Число их никак не уменьшалось. Она дралась в кольце.

А потом начался пожар.

Бандиты, как дикари, одетые в шкуры, открыли рты в страшных криках и вдруг разбежались в стороны, кто с горящими спинами, кто хватаясь за обожженную кожу. Дама взмахнула мечом, задев в висок ближайшего противника. Краем глаза она заметила, как бард, сидя на ее коне, забрасывал бандитов горящими факелами. Хотела бы она крикнуть, чтобы не разбазаривал имущество, да помощь его пришлась кстати.

Уже после, когда они вдвоем выбрались из перепалки, дама заметила, что так и бежала по дороге с обнаженным мечом в руке. Кровь застыла на нем ржавыми пятнами, и она, не слыша собственного голоса, скомандовала барду устроить привал. Сама побежала к ближайшей речке, скатилась с обрыва и рухнула в ледяную воду. Дама долго терла покрасневшие руки, вода розовела вокруг нее.

Бард терпеливо ждал, пока женщина закончит. Примерно через час она вышла из подлеска и придиричиво осмотрела стоянку. Она сбросила с себя рукавицы, расстегнула ремешки кирасы и зазвенела кольчугой. Та серебряной чешуей расположилась у ее ног, но тут же оказалась откинута в сторону яростным пинком.

– Бандиты... Собачье дерьмо им, а не мои доспехи! Дюжина на одну даму! Посреди тракта!

Успокоилась она только тогда, когда бард сунул ей котелок с варевом и ложку. Дама медленно помешала густую похлебку с жирными пятнами и толстыми колечками моркови и лука. Съев пару ложек, она будто бы совершенно расслабилась и отошла от недавней схватки.

– Из сегодняшних событий может выйти прекрасная песнь.

Женщина не слышала. Она задумчиво пережевывала попавшийся хрящик, как вдруг решила заговорить.

– Титул рыцаря перешел ко мне по наследству, от матери. Пару лет назад я отправилась в поход. Представляешь, бард? Я, дама, служившая королю верой и правдой, была отправлена за моря, чтобы покорять каких-то чернокожих, да и еще их принцессой становиться! Да, мы тогда много земель захватили, это правда. Но во время перехода через горы я подхватила какую-то хворь. Ни один лекарь мне не помог, и пришлось с позором возвращаться на родину, пока мои братья и сестры продолжали начатое дело, – дама хмуро посмотрела в костер, как если бы в головешках и искрах увидела события тех дней. – Меня из-за глухоты из Ордена выгнали. Я им хотела доказать, что могу сражаться, но никто мне не верил. Говорили, что с немыми еще могут справиться, а глухие им не нужны, – женщина вяло ковырнула веткой угли. – Я дала обет, что как только совершу хотя бы один подвиг, достойный здорового человека, снова возьму в руки щит. А до той поры – нельзя.

– Но ты разобралась с целой бандитской шайкой! – бард не был ей услышан, и пришлось постучать по ее плечу, чтобы она хотя бы подняла глаза.

– Сделай я это одна – тогда другое дело, а так ты мне помог.

– Я сочиню балладу о том, как разверзлись хляби небесные, и с Божьей помощью вода в огонь превратилась, и пламя то тебя стороной обходило! Даже рифма есть. Вот.

«На булатном коне статная дама

Послала с небес Господне пламя...»

Женщина вымученно улыбнулась ему, как нерадивому ученику. Всполохи огня еле отражались от кирасы у ее ног, тени залегли на впалых щеках, скрывая темные пятна кровоподтеков. Она слишком устала, и бард видел это, но ничего не мог поделать. Все же он музыкант, а не паяц. Хотя, кто знает, можно ли вызвать у этой дамы не ухмылку и не оскал, а настоящую улыбку?

– Баллады о любви пишут, – не слишком громко сказала она. – Для нее в моей жизни места нет.

Спустя неделю скитаний бард раздобыл себе кобылу. Для этого пришлось подрать глотку в прибрежных тавернах, перекрикивая пьяный галдеж матросов и ор чаек. Как ни странно, похабная песня о кикиморе и мече стала любимой у пьяниц, так как не обладала ни высоким слогом, ни мудреной моралью. К порту съезжались даже работяги из окрестных деревень, чтобы послушать сказку. Детей, правда, преждевременно выгоняли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.